

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

УДК 94(47).066

И.И. Шувалов и Манифест о вольности дворянства 1762 г.

М.А. Киселёв

Аннотация. Статья посвящена истории одного из ключевых документов в судьбе российского дворянства — Манифеста о вольности дворянства служить и не служить 1762 г. На основании новых архивных находок показывается отношение к нему высших сановников, а также роль, которую сыграл Иван Иванович Шувалов в создании этого документа.

Ключевые слова: И.И. Шувалов, Пётр III, российское дворянство, история Российской империи.

Abstract. The article is devoted to the history of one of the key documents in the destiny of Russian nobility — Manifesto on the freedom of the nobility to serve and not to serve of 1762. It is shown the attitude of high officials, as well as the role played by Ivan Shuvalov in the creation of this document on the basis of new archival sources.

Key words: I.I. Shuvalov, Peter III, Russian nobility, history of the Russian Empire.

В 1867 г. П.И. Бартеневым на страницах «Русского архива» был опубликован ряд бумаг И.И. Шувалова (1727—1797), касавшихся внутренней и внешней политики России 1750—1760-х гг. XVIII века¹. Помимо прочего, среди этих документов под номером III помещалась собственноручная записка Шувалова, посвященная дворянской службе. В этом документе автор высказывался против позволения дворянам свободно выходить в отставку. Таким образом, в руках у историков оказался интересный источник по истории освобождения дворянства от обязательной службы в XVIII веке.

Сам документ не датирован, а его адресат не указан. О том, когда и при каких обстоятельствах записка создавалась, можно судить только по содержащимся в ней сведениям. Прежде всего, это было замечание, что «при нынешнем ея императорского величества великом о дворянстве попечении» могли пойти «в отставку многие дворя-

Киселёв Михаил Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории эдиционной археологии Уральского федерального Университета. Екатеринбург. E-mail: m.a.kiselev@urfu.ru.

Kiselev Mikhail A. — candidate of historical Sciences, researcher at editorial Archeography laboratory at Ural Federal University. Ekaterinburg. E-mail: m.a.kiselev@urfu.ru.

не». Во-первых, здесь содержалось указание на пол монарха. Принимая во внимание даты жизни Шувалова, это могла быть либо Елизавета Петровна, либо Екатерина II. Во-вторых, это говорит о некоем решении монарха, даровавшем дворянам возможность свободно выходить в отставку. Кроме того, в документе содержалось указание на «нынешнюю войну» и упоминалось «представление в Правительствующий Сенат» о школах и гимназиях, поданное Шуваловым ².

С.В. Польской в статье 2000 г., задавшись целью датировать эту шуваловскую записку, пришел к выводу, что документ следует отнести ко времени «Семилетней войны (1757—1762), более точная атрибуция проблематична». Он предположил, что на создание этой записки «повлияла постановка вопроса об отмене обязательной дворянской службы в Уложенной Комиссии, инициатором которой был Р.И. Воронцов. Протест против немедленной отмены обязательной службы очевиден в данном проекте Шувалова... Проект может быть отнесен к концу 1760 — началу 1761 года» ³. Далее, в статье 2010 г. историк, рассматривая проблему создания Манифеста о вольности дворянства служить и не служить от 18 февраля 1762 г. (далее — Манифест), выдвинул следующую идею: «Мы предполагаем, что основой Манифеста 18 февраля 1762 г... был не сохранившийся отдельный проект, составленный Воронцовым в связи с работой Уложенной комиссии и получивший известность в узких правительственных кругах уже в 1761 году». Польской признавал, что «данная гипотеза основана на косвенных свидетельствах». Фактически единственным таким косвенным свидетельством являлась данная недатированная записка Шувалова, которая, по словам Польского, и была «направлена против некоего проекта упразднения обязательной службы дворянства» ⁴.

Соответственно, если принять датировку записки, предложенную Польским, можно сделать вывод, что идея освободить дворянство от обязательной службы появилась еще при Елизавете Петровне. Более того, будет логичным прийти к следующему умозаключению: решение даровать вольность дворянству было принято самой Елизаветой Петровной, так как Шувалов указывал, что дворяне пойдут в отставку из-за «нынешнего ... попечения» монарха.

В статье 2014 г. мною было показано, что в материалах Уложенной комиссии нет ни малейшего намека, что в ней до выступления Петра III в Сенате 17 января 1762 г. обсуждалась проблема освобождения дворян от обязательной службы. Рассмотрев свидетельства источников, я пришел к выводу, что автором идеи освобождения дворянства от обязательной службы был сам Петр III, а не кто-то из его окружения. В связи с этим мною были высказаны некоторые сомнения относительно датировки шуваловской записки, предложенной Польским. Так, «великое о дворянстве попечение» со стороны императрицы, из-за которого могли пойти «в отставку многие дворяне» ⁵, могло быть отсылкой к Жалованной грамоте дворянству 1785 года. Именно этим актом «благородным, находящимся в службе», разрешалось «службу продолжать и от службы просить увольнения по сделанным на то правилам» (п. 18) ⁶. Таким образом, предложение Шувалова о том, что «*надобно теперь учредить*, чтоб без крайней нужды никто из службы не ходил, предписав записавшимся в службу не-

сколько лет выслужить, а впред ободрить»⁷, можно было бы отнести к временам русско-турецкой войны 1787—1791 гг., как и саму записку. Соответственно, адресатом записки могла быть Екатерина II. Предложение ограничить право выходить в отставку имело смысл только после того, как оно было дано, например, после издания Жалованной грамоты дворянству 1785 года.

Однако следует отметить, что в рассматриваемой записке Шувалов также писал, что монарху следовало «установить школы и гимназии по разным местам, как в моем представлении в Правительствующий Сенат показано»⁸. Данное представление было подано им 3 ноября 1760 года⁹. Конечно, нет ничего невероятного в том, что Шувалов мог вспомнить о своем образовательном проекте почти через тридцать лет. Тем не менее, более вероятным было бы предположение, что записку подготовили в конце 1760 — конце 1761 года.

Впрочем, возможно и еще одно решение вопроса о датировке документа. Дело в том, что на пол монарха, к которому обращался Шувалов, указывает только одно слово — местоимение «ея». Могло ли быть так, что Бартенев допустил ошибку при публикации? Ведь в оригинале могло быть написано не «ея императорского величества», а «его императорского величества». В этом случае документ можно было бы датировать с точностью до месяца: между 17 января, когда Пётр III в Сенате высказал соизволение «дворянам службу продолжать по своей воле»¹⁰, и 18 февраля 1762 г., когда монарх подписал текст Манифеста¹¹. При такой датировке содержание записки Шувалова идеально вписывается в историю законодательного закрепления вольности дворянства служить и не служить. 17 января 1762 г. Пётр III высказал свое решение даровать такое право, предписав сенаторам разработать проект Манифеста. Шувалов, настроенный против такого решения императора, попытался изменить его, для чего и написал данную записку.

Для подтверждения такой версии необходимо обращение к оригиналу. Однако, как в 2000 г. констатировал Польской, «подлинники проектов не обнаружены в государственных архивохранилищах, по видимому, они хранятся в частном архиве, из которого были извлечены и опубликованы П.И. Бартеневым»¹².

В поисках решения проблемы датировки я обратился к архиву Бартенева, хранящемуся в РГАЛИ. К сожалению, в нем нет ни подлинников, ни копий бумаг Шувалова, опубликованных в 1867 году. Однако в нем хранится документ, озаглавленный «История Семилетней войны 1756—1763 гг.», автором которой обозначен Шувалов. Это не подлинник документа XVIII в., а сделанная переписчиком в XIX в. копия, в которую рукой Бартенева были внесены правки. Копия позволяет понять, как Бартеневым велась работа по подготовке к публикации документов в XVIII веке. Во-первых, оригинальный документ копировался переписчиком. Во-вторых, Бартенев исправлял ошибки, допущенные при таком переписывании. «История Семилетней войны 1756—1763 гг.» содержала немало ошибок. Например, Бартеневу пришлось исправить «великому» на «Венскому», «в Саксонии» на «в состоянии», «лишни геройское» на «министерское»¹³. Также из данной рукописи можно сделать вывод, что у переписчика возникли трудности с прочтением шуваловского написания буквы я в

местоимении «ея»: он его читал и, соответственно, писал как «еие». В результате Бартечев был вынужден исправлять «еие» на «ея»¹⁴. Принимая во внимание специфику написания местоимения «его» и буквы я в скорописи XVIII в.¹⁵, можно с полным основанием предположить, что переписчик в случае с копированием шуваловской записки о дворянской службе мог вместо «его» прочесть и написать «еие», которое затем Бартечев исправил бы на «ея».

Тем не менее, данные наблюдения не давали окончательного ответа на вопрос, что было написано в оригинале записки о службе. Их можно использовать лишь как косвенное доказательство возможной ошибки. В связи с этим мне пришлось продолжить поиск подлинников бумаг Шувалова, который, в конце концов, принес свои плоды.

Как известно, Шувалов умер бездетным, так что шуваловские бумаги перешли к сыну его сестры Прасковьи (1734—1802) кн. Фёдору Николаевичу Голицыну (1751—1827). У него было пять сыновей, из которых первые три умерли бездетными. В итоге часть бумаг Шувалова¹⁶ оказалась у четвертого сына — Александра (1796—1866). Бартечев, интересовавшийся биографией Шувалова, вскоре после публикации в 1857 г. биографического очерка о нем¹⁷ узнал, что часть бумаг хранится у кн. А.Ф. Голицына. Он сообщил об этом Я.К. Гроту, который через посредничество президента Петербургской академии наук гр. Д.Н. Блудова смог получить к ним доступ. В результате этого Грот в 1862 г. издал письма М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова к Шувалову¹⁸. Кроме того, он предоставил Бартечеву скопированные им письма гр. А.Б. Бутурлина, гр. М.И. Воронцова и гр. И.Г. Чернышёва к Шувалову. Они были изданы в 1869 г. в «Русском архиве»¹⁹.

Евгений, сын кн. Голицына, трагически погиб в 1854 г., так что его единственным наследником оказалась дочь Александра (1823—1918). Она в 1857 г. вышла замуж за Иллариона Николаевича Толстого (1832—1904), который и стал следующим владельцем части шуваловского архива. И.Н. Толстой довольно охотно предоставлял историкам доступ к данным бумагам. Как результат, в 1867 г. часть шуваловских бумаг была издана Бартечевым в «Русском архиве»²⁰, а в 1872 г. — в «Сборнике Русского исторического общества»²¹.

После смерти Толстого основная часть этих документов каким-то образом попала к историку, председателю Императорского Русского исторического общества в 1910—1917 гг. великому князю Николаю Михайловичу (1859—1919)²², у которого бумаги находились до революционных событий 1917 года. Николай Михайлович был человеком довольно либеральных взглядов, так что первоначально он положительно отреагировал на падение монархии. 8 марта 1917 г. французский дипломат М. Палеолог в своем дневнике так характеризовал настрой великого князя: «Он открыто перешел на сторону Революции и сыплет оптимистическими заявлениями. Я его достаточно знаю, чтобы не сомневаться в его искренности, когда он утверждает, что отныне падение самодержавия обеспечивает спасение и величие России». Однако уже 25 апреля 1917 г. Палеолог зафиксировал изменения в оценке происходящих событий: «Прощальный визит великому князю Николаю Михайловичу. Как далек он от великолепного оптимизма, который он проявлял в начале нового режима! Он не скрыва-

ет от меня своей тоски и печали. Однако он сохраняет надежду на близкое улучшение, за которым последует затем общее отрезвление и окончательное выздоровление». Отвечая на замечание Палеолога о своей мрачности, Николай Михайлович сказал: «Не могу же я забыть, что я висельник»²³. Скорее всего, такие тревожные ожидания сподвигли Николая Михайловича задуматься о судьбе хранившихся у него исторических бумаг, и он решил передать их Академии наук.

На VI заседании Общего собрания Академии наук в Петрограде 15 апреля 1917 г. через Бориса Львовича Модзалевского (1874—1928) было сообщено, что «почетный член Академии Наук великий князь Николай Михайлович принес в дар Академии... собрание бумаг основателя Московского Университета Ивана Ивановича Шувалова... и племянника его, князя Фёдора Николаевича Голицына». Среди этих бумаг были и «11 листов черновых рукописей И.И. Шувалова». Общим собранием было решено «благодарить жертвователя от имени Академии, а рукописи передать в Рукописное Отделение Библиотеки (Академии наук. — М.К.)»²⁴, откуда затем, в 1931 г., они были переданы в Архив Академии наук СССР²⁵. О факте дара Николаем Михайловичем шуваловских документов и их последующей судьбе в статье 1947 г. счел возможным упомянуть Лев Борисович Модзалевский (1902—1948), сын Бориса Львовича. При этом он отметил, что «8 документов ... были опубликованы в “Русском архиве”, 1867... в статье “Бумаги И.И. Шувалова”»²⁶. К настоящему времени переданные Николаем Михайловичем в 1917 г. документы находятся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук²⁷.

Как показало обращение к этим документам, среди «11 листов черновых рукописей И.И. Шувалова», переданных Николаем Михайловичем, находится часть документов, опубликованных Бартечевым в 1867 г., в том числе и записка о дворянской службе. Знакомление с ней позволяет сделать однозначный вывод, что в ней Шувалов написал: «при ны[не]шнем Его Императорского величества великом попечении»²⁸. Записка была обращена не к монарху-женщине, а к монарху-мужчине, то есть Петру III. Соответственно, данную записку можно с полной уверенностью датировать временем между 17 января и 18 февраля 1762 года.

Таким образом, гипотеза Польского, что вельможами в Российской империи до воцарения Петра III обсуждалась проблема освобождения дворянства от обязательной службы, окончательно лишается единственного косвенного доказательства. Кроме того, дополнительное подтверждение получает мой вывод, что автором идеи освобождения дворянства был сам Пётр III. При этом исследователи получают еще один источник по истории Манифеста, который дополнительно позволяет понять, как вырабатывались итоговые нормы данного акта.

Во второй половине 1760 и в 1761 г. Шувалов находился на пике своего политического влияния²⁹. Пользуясь своим положением, он попытался провести реформу дворянского образования. 3 ноября 1760 г. он подал в Сенат доклад, где предлагал создать систему образовательных учреждений, в которых в обязательном порядке должны были учиться все дети дворян мужского пола. Для Шувалова дворяне, в силу своего сословного статуса, обязаны были занимать руководящие должности в государственном управлении. Однако при этом он пола-

гал, что они должны соответствовать такому высокому положению, то есть обладать достаточно просвещенным разумом, что подразумевало понимание и «общего блага», и высокой роли дворянства в обществе и государственном управлении, а также овладение науками. Согласно шуваловским идеям, этого можно было достичь только посредством соответствующего образования. Исходя из таких представлений о дворянстве и просвещении, Шувалов пытался воплотить в жизнь свою концепцию обязательного образования для дворян, которое они должны были получить, прежде всего, в государственных заведениях ³⁰.

Сенаторы одобрили доклад, предписав Шувалову сочинить штаты предполагаемых учебных заведений и подать их в Сенат. При этом Шувалов мог обратиться за необходимыми данными и консультациями к «здешней Академии Наук» ³¹. Не дождавшись ответа из Академии наук, 20 марта 1761 г. он подал новое доношение в Сенат. Шувалов сообщал, что не смог выполнить поручения Сената и создать штаты для новых школ и гимназий из-за отсутствия нужных сведений о численности дворянских детей. В связи с этим Шувалов полагал, что «теперь можно толко предписать способ учения, распоряжение класов, содержание и порядок учеников. Оное все будет рановременно и представление о них Правительствующему Сенату сделает напрасное затруднение». Отмечая, что «Академия же и по сие время в сочинении оных штатов упражняется», Шувалов просил «подать доклад» императрице, «дабы прежде, нежели в подробности школ вступить, повелено было воспитание и учение и вступление в службу на таком основании, как от меня подано, установить» ³².

Текст такого доклада был подготовлен в Сенате только к 19 октября 1761 года. В нем была дана положительная оценка проекту Шувалова. Предлагалось, чтобы «все дворянство прежде семнатцатилетняго их возраста отныне впредь ни в какую службу не определять, а обучатца им в назначиваемых в городах школах и гимназиях, а потом в здешнем и Московском университете и в кадетском корпусе, а буде кто пожелает детей своих или родственников обучать у волных (учителей. — М.К.), свидетелствованных от Академии и университета или от корпусов... оное им... дозволить». Согласно докладу, по достижении 17 лет юных дворян, желавших поступить на военную службу, следовало экзаменовать «в Сухопутном кадетском корпусе, где для практики оных на некоторое время и оставлять должно волунтерами». Тех, «которые обучались гражданским законам и другим наукам», надлежало «свидетельствовать в университете и в Академии». И первых, и вторых полагалось «потом по беспристрадном экзамене определять по склонности их и наукам и пожеланиям в военную или гражданскую службу прапорщичьими чинами». Оговаривалась возможность продолжить по желанию обучение наукам после 17 лет до достижения двадцатилетнего возраста. Выбравшие такое обучение в 20 лет также должны были сдать экзамен. Если по его результатам выяснялось, что «в науках приобрели пред другими болшое знание», то их было необходимо «определять в чины подпорутчичьи, порутчичьи и в капитанские, смотря по достоинству». При этом выбравшие обучение до 20 лет должны были служить только 25 лет. Для дворян, которые «кроме одной российской грамоте ничего не обучатца», пред-

полагалась следующая норма: «Таких писать в военную службу унтер-афицерами впредь до выслуги, пока действительно своим прилежанием и добрыми поступками учинят себя достойными чести афицерской». В отношении образовательных поездок за границу было предложено: «Буде кто из дворян для приращения наук пожелает во-язировать в иностранные государства, таковых с разсмотрения Сената отпускать с сроками». Уже в конце доклада была помещена просьба к Елизавете Петровне ограничить обязательную службу для всего дворянства 25 годами: «Указать и всему дворянству, кои поныне указным определением в действительную службу вступили, считая от дватцатилетняго возраста, продолжать оную, равно как и предписанным, до дватцати пяти лет, а по выслужении оных кто просить будет в отставку из службы военной и гражданской, увольнять вечно»³³.

Отметим, что сам Шувалов в проекте фундаментальных законов, подготовленном в начале ноября 1760 — начале апреля 1761 г., предлагал «дворянину служить 26 лет, считая от времени действительной службы его, то есть от 20 лет возраста»³⁴. Следовательно, доклад, за исключением некоторых нюансов, согласовывался с идеями, которые к данному времени были высказаны Шуваловым. Таким образом, самое большее, на что решились сенаторы в вопросе дворянской службы к концу царствования Елизаветы Петровны, было прошение об установлении ее ограничения 25 годами. Показательно, что они фактически просили о восстановлении нормы Манифеста от 31 декабря 1736 г., предписывавшей «по прошествии 25 лет (от вступления в службу. — М.К.), всех (шляхтичей. — М.К.), хотя кто еще и в службу был годен, от воинской и статской службы отставлять», которая фактически была отменена в 1740 году³⁵.

На докладе была сделана следующая секретарская помета: «Начат подписанием 29 октября». Сам факт, что был подготовлен белой текст доклада, который начали подписывать сенаторы, свидетельствовал, что напрямую в Сенате против предложенной Шуваловым реформы никто не решился выступить. Однако, под текстом доклада поставили свои подписи только сенаторы И.И. Неплюев, А.Г. Жеребцов, гр. Р.И. Воронцов и кн. М.И. Шаховской³⁶. Подписи большинства сенаторов — гр. М.И. Воронцова, кн. А.Д. Голицына, кн. М.М. Голицына, И.И. Костюрина, кн. И.В. Одоевского, кн. Н.Ю. Трубецкого, гр. П.И. Шувалова — так и не были поставлены³⁷. Скорее всего, это было связано со здоровьем Елизаветы Петровны, которая к этому времени была очень больна³⁸. Ее наследник великий князь Пётр Федорович еще 12 февраля 1759 г. получил от Елизаветы Петровны «главную команду и Директорство над... Сухопутным Шляхетным Кадетским Корпусом»³⁹. У будущего императора могли оказаться свои предпочтения в вопросе о дворянском образовании, так что сенаторы решили не спешить.

25 декабря 1761 г. Елизавета Петровна скончалась. На престол взошел Пётр III. Новый император, будучи 17 января 1762 г. в Сенате, объявил, что он «соизволил дворянам службу продолжать по своей воле, сколько и где пожелают»⁴⁰, то есть отменил обязательную службу российского дворянства.

Шувалов, к которому Пётр III в целом относился доброжелательно⁴¹, счел возможным выступить с критикой такой реформы и под-

готовил записку о дворянской службе. В ней он писал, что из-за такого решения Петра III «пойдут в отставку многие дворяне, имевшие низшие чины... Вновь такова же состояния никто записываться в службу не будет». В связи с этим Шувалов, во-первых, предлагал, «чтоб без крайней нужды в продолжение нынешней войны никто из службы не ходил, предписав недавно записавшимся в службу несколько лет выслужить, а впредь ободрить». Во-вторых, он настаивал на продолжении предложенной им реформы дворянского образования. По его мнению, юным дворянам следовало обучиться в школе, затем — в гимназии, «а после для совершенства нужных наук итить в кадетской корпус, в Университет и Академию, в инженерную школу, в которых быть до семнадцати или осмнадцати лет, и потом дать волю служить или нет». Шувалов связывал это с тем, что «молодые люди, получа должное с их рождением воспитание, приобыкнув быть в обществе, потеряют грубое предубеждение; получив надлежащее просвещение, конечно не захотят, разве малой части, возвратиться во свое темное жилище». Этому должны были способствовать «вселенная учением к отечеству должность, благородная ревность к собственному добру»⁴².

Отдельный вопрос — кто был адресатом этой записки? Монарх в ней упоминался в третьем лице, так что она едва ли предназначалась Петру III. Можно предположить, что ее адресатом мог быть сенатор и глава Уложенной комиссии гр. Р.И. Воронцов, под руководством которого, скорее всего, и была подготовлена нормативная часть Манифеста. Шувалов покровительствовал ему в царствование Елизаветы Петровны, так что он, рассчитывая на определенную поддержку со стороны Воронцова, мог адресовать именно ему данную записку.

Судя по итоговому тексту Манифеста, подготовленному в Сенате к 8 февраля и подписанному Петром III 18 февраля 1762 г.⁴³, шуваловская критика возымела некоторое действие. В данный законодательный акт было включено несколько ограничений провозглашенной дворянской вольности. Так, в седьмом пункте от имени императора заявлялось, «чтоб никто не дерзал без обучения пристойных благородному Дворянству наук детей своих воспитывать под тяжким Нашим гневом». В связи с этим устанавливалось следующее: «Всем тем Дворянам, за коими не более 1000 душ крестьян, объявлять детей своих прямо в Нашем Шляхетном Кадетском Корпусе, где они всему тому, что к знанию благороднаго Дворянства принадлежит,... обучаемы будут». Фактически эта норма сохраняла обязательное дворянское образование для бедного и среднего дворянства. При этом централизованный контроль над ним поручался Шляхетному кадетскому корпусу. Скорее всего, сосредоточение контроля над качеством дворянского образования именно в корпусе было связано с пристрастиями Петра III, продолжавшего на момент издания Манифеста лично возглавлять корпус. Восьмым пунктом Манифеста устанавливалось, что «находящихся... в... военной службе Дворян, в солдатах и прочих нижних чинах менее Обер-Офицера, кои не дослужились Офицерства, не отставливать, разве кто более 12 лет военную службу продолжал»⁴⁴. Таким образом, 17 января 1762 г. заявленная Петром III вольность дворянства служить и не служить, оказалась ограниченной. В связи с этим неудивительно, что, как отмечает Е.Н. Марасинова, «в

целом Манифест представляется достаточно противоречивым документом»⁴⁵. Благодаря Петру III дворяне получали вольность служить и не служить, а благодаря вмешательству Шувалова — элементы ограничения такой вольности.

14 марта 1762 г. Шляхетный Сухопутный кадетский корпус был передан из непосредственного подчинения императора Шувалову. Как писал племянник Шувалова кн. Ф.Н. Голицын, «при Государе Петре III получил Иван Иванович... примерное отличие. Император его пожаловал на свое место директором сухопутного кадетского корпуса. Приказал ему приехать в назначенный час в корпус, между тем сам изволил прежде прибыть, поставил всех кадетов в строй, и держа в руке список, дожидаясь Шувалова. Как скоро он, приехавши, подошел, Государь сам взяв еспантон, ему всем фрунтом честь отдал, и подал ему рапорт. Редко кто удостоен был таковой чести»⁴⁶. Такое назначение было явным знаком расположения Петра III, предполагавшим и частичную поддержку образовательных инициатив.

Скорее всего, не без влияния Шувалова положения Манифеста касательно дворянского образования и ограничения отставок получили развитие в последующих распоряжениях Петра III. Указом императора от 24 апреля 1762 г. был создан объединенный Шляхетный кадетский корпус, в состав которого вошли Сухопутный и Морской кадетские корпуса, а также Артиллерийская и инженерная школа. Его главным директором стал Шувалов. Седьмой пункт указа устанавливал, что дворянских недорослей старше 16 лет, которые были «ни чему не обучены, кроме своего языка, читать и писать» и которые будут направляться в корпус, следовало «отсылать для определения в солдаты, в Военную Коллегию». «Самых малолетних» дворян, которые «ни чему обучиться времени не имели, а в Кадетский корпус записаться хотят», следовало «записывать в сверх комплектные» в корпус, после чего «или отсылать в Университет и Гимназии, или отдавать свойственникам до того времени, как они столько обучены будут, и в такой возраст придут, что в корпусе исправными кадетами быть могут». Принимая во внимание указанный выше восьмой пункт Манифеста, следует предположить, что норма указа об определении в солдаты дворянских недорослей, знавших только грамоту, вполне могла означать лишение их выбора служить или не служить по своему желанию. Юный дворянин должен был либо получить надлежащее образование, после чего у него появлялась возможность выбора, либо быть записанным в солдаты⁴⁷. Все это вполне соответствовало взглядам Шувалова, который считал основную массу российского дворянства еще не достигшей должного уровня просвещения и, соответственно, нуждавшейся в воспитании с элементами принуждения от имени государства.

Итак, Шувалов выступил против провозглашенной Петром III 17 января 1762 г. свободы для российских дворян служить или не служить. Он не смог отменить решения Петра III. Тем не менее, ему удалось повлиять на его реализацию. Как результат, были введены некоторые ограничения на отставки для дворян. Кроме того, для дворянских недорослей вводилась двухуровневая система обучения. Юный дворянин должен был получить надлежащее образование либо дома, либо в гимназии, а затем поступить в кадетский корпус. Те же, кто к

16 годам не получали такого образования, должны были зачисляться солдатами на службу, которую им затем предстояло либо нести 12 лет, либо выслужить обер-офицерский чин, чтобы получить право на отставку. При этом данные нормы в обязательном порядке распространялись только на бедное и среднее дворянство. Скорее всего, предполагалось, что богатые дворяне должны были дать хорошее образование своим детям без дополнительного принуждения.

Дворцовый переворот, произошедший 28 июня 1762 г., поставил крест на реализации этих преобразований. Указом Екатерины II от 17 августа 1762 г. было предписано Шляхетным Сухопутному и Морскому корпусам функционировать на основании норм, действовавших при Елизавете Петровне⁴⁸. Новая императрица не была склонна поддерживать шуваловские образовательные инициативы. В 1763 г. Шувалов покинул Россию, уехав в длительное путешествие по Европе. В то же время, несмотря на негативное отношение Екатерины II к Манифесту, дворяне сохранили дарованную им вольность. При этом ограничения такой вольности, инициированные Шуваловым, фактически не действовали⁴⁹.

При оценке значения принятия Манифеста в исторической науке высказывались разные мнения, в том числе противоположные по смыслу. В современной историографии продолжает бытовать мнение, что принятие Манифеста оказалось результатом борьбы дворянства с государством⁵⁰. Впрочем, еще в 1966 г. М. Раев высказал мнение, что Манифест не был результатом победы дворянства над государством. Скорее, это была декларация независимости государства от дворянской службы, которое предпочло опереться на зависимую от него бюрократию⁵¹. Несмотря на кажущуюся противоположность этих мнений, у них все же есть нечто общее — это апелляция к обобщающим категориям («дворянство», «государство»), которые, оживая на страницах исследований, начинают действовать вместо людей.

Конечно, обобщающие категории и генерализирующие выводы — это составная и необходимая часть научного исследования. Однако генерализации должна предшествовать тщательная работа с источниками, которая, реконструируя действия конкретных людей, обязана стать прочным фундаментом для обобщений. Как показывает история текста Манифеста, реальные поступки людей могли быть далеки от тех схем действий, которые можно было бы приписать «государству» и «дворянству». Пётр III, который по своему статусу монарха должен был быть главным носителем государственных интересов, при освобождении дворянства от обязательной службы руководствовался идеями о том, что российское дворянство должно обладать схожими правами с дворянством европейских стран, включая свободу служить и не служить. Дворянин Шувалов, исходя из своих представлений о том, насколько просвещенными должны быть дворяне, полагал, что российскому благородному сословию еще рано обладать такой вольностью в полном объеме. В то же время для большинства дворян известие о вольности дворянской оказалось неожиданным, так что в первое время они могли только выражать свою радость с помощью слез, торжественных вирш или предложений поставить Петру III золотую статую⁵².

Таким образом, Манифест стал результатом взаимодействия представителей элиты в рамках государственных институтов, и в этом

результате оказались представлены как «освободительные» элементы, так и «ограничительные», которые в той или иной пропорции будут присутствовать во внутренней политике и после 1762 года. При этом содержание Манифеста в немалой степени оказалось предопределено идеями, понятиями и представлениями, с помощью которых действовавшие лица оценивали окружающую их социальную реальность.

Примечания

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013.

1. Бумаги И.И. Шувалова. — Русский архив (РА), 1867, № 1, стб. 67—97. Об обширной публикаторской деятельности П.И. Бартенева см.: ЗАЙЦЕВ А.Д. Пётр Иванович Бартенов и «Русский архив». М. 2013.
2. Бумаги И.И. Шувалов, стб. 70—71.
3. ПОЛЬСКОЙ С.В. Политические проекты И.И. Шувалова конца 1750 — начала 1760-х годов. В кн.: *Философский век (ФВ)*. Вып. 13. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. СПб. 2000, с. 230—231.
4. ПОЛЬСКОЙ С.В. «На разные чины разделяя свой народ...»: законодательное закрепление сословного статуса русского дворянства в середине XVIII века. — *Cahiers du Monde Russe*. 2010, vol. 51, № 2—3, p. 321.
5. Бумаги И.И. Шувалова, стб. 70—71.
6. Законодательство Екатерины II. Т. 2. М. 2001, с. 34.
7. Бумаги И.И. Шувалова, стб. 71.
8. Там же.
9. В Правительствующий Сенат Императорского Московского университета от куратора Шувалова доношение. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. III (июль-сентябрь). М. 1858, ч. V, с. 115—117.
10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 248, д. 3426, л. 283.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1329, оп. 1, д. 96, л. 99—103об.; ПСЗ-I, т. XV, № 11444, с. 912—915.
12. ПОЛЬСКОЙ С.В. Политические проекты И.И. Шувалова, с. 226.
13. Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 46, оп. 2, д. 338, л. 1, 6, 42.
14. Там же, л. 6, 8.
15. Образцы написания букв в скорописи XVIII в. см.: ЧЕРЕПНИН Л.В. Русская палеография. М. 1956, с. 478—479.
16. Один из сборников писем к Шувалову оказался у гр. Прасковьи Николаевны Фредро, дочери гр. Николая Николаевича Головина (1756—1821) и Варвары Николаевны (1766—1819), дочери кн. Николая Фёдоровича Голицына (1728—1759) и Прасковьи Ивановны, сестры И.И. Шувалова. ГРОТ Я.К. Письма Ломоносова и Сумарокова к И.И. Шувалову. Материалы для истории русского образования. СПб. 1862, с. 2, прим. 1.
17. БАРТЕНЕВ П.И. Биография И.И. Шувалова. М. 1857.
18. ГРОТ Я.К. Ук. соч., с. 1.
19. Письма к И.И. Шувалову. — РА, 1869, № 11, стб. 1767.
20. Бумаги И.И. Шувалова, стб. 65.
21. Из бумаг Ивана Ивановича Шувалова (Сообщено флигель-адъютантом Е.И.В. Илларионом Николаевичем Толстым). Сб. Русского исторического общества. Т. 9. СПб. 1872.

22. См. о нем: Книга в России. Проблемы источниковедения и историографии. СПб. 1991; ШМИДТ С.О. К изданию сборника трудов БАН памяти великого князя Николая Михайловича. Археографический ежегодник за 1992 год. М. 1994; ЦАМУ-ТАЛИ А.Н. Августейший историк: Великий князь Николай Михайлович. В кн.: Историки России. XVIII — начало XX века. М. 1996; ИСМАИЛ-ЗАДЕ Д.И. Великий князь Николай Михайлович — судьба и книги. В кн.: Николай Михайлович (вел. князь). Император Александр I. М. 1999.
23. ПАЛЕОЛОГ М. Царская Россия накануне революции. М.-Пг. 1923, с. 384—385, 461—462. См. также: АЛЕКСЕЕВА И.В. Агония Сердечного согласия: Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914—1917. Л. 1990, с. 48—51.
24. Извлечения из протоколов заседаний Академии. — Известия Академии наук. VI серия. Т. 11. 1917, вып. 11, с. 754—755.
25. Архив Академии наук СССР: Обзор архивных материалов. Т. I. Л. 1933, с. 19—20, 183.
26. МОДЗАЛЕВСКИЙ Л.Б. Собеседник Вольтера Б.М. Салтыков и два его новых письма 1760—1761 гг. (По материалам Архива Академии наук СССР). В кн.: ВОЛЬТЕР. Статьи и материалы. Л. 1947, с. 182. Л.Б. Модзалевский в возрасте 47 лет трагически погиб 26 июня 1948 года. См.: ТУНКИНА И.В. К изданию монографии Л.Б. Модзалевского о М.В. Ломоносове. В кн.: МОДЗАЛЕВСКИЙ Л.Б. М.В. Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук: Из истории русской литературы и просвещения середины XVIII в. СПб. 2011.
27. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (СПФ АРАН), р. II, оп. 1, д. 226—227.
28. СПФ АРАН, р. II, оп. 1, д. 227, л. 10об. Первоначально Шувалов написал «великодушном», но затем зачеркнул и написал «великом».
29. См.: ШЕФЕР А. Императрица Елизавета Петровна в 1760—1761 гг. — Русская старина. Т. 28. СПб. 1880, с. 771; ALEXANDER J.T. Ivan Shuvalov and Russian Court Politics, 1749—63. In: Literature, Lives and Legality in Catherine's Russia. Nottingham. 1994, p. 8—11.
30. В Правительствующий Сенат Императорского Московского университета от куратора Шувалова доношение, с. 115—117.
31. ПСЗ-I, т. XV, № 11144, с. 564.
32. РГАДА, ф. 248, д. 2944, л. 35.
33. Там же, л. 48—51.
34. Бумаги И.И. Шувалова, стб. 85.
35. ПСЗ-I, т. IX, № 7142, с. 1022; ФАИЗОВА И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М. 1999, с. 40—42; ФЕДЮКИН И.И. «Честь к делу ум и охоту рождает»: реформа дворянской службы и теоретические основы словесной политики в 1730-е гг. В кн.: Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского. М. 2014, с. 106—107.
36. РГАДА, ф. 248, д. 2944, л. 51об.
37. ПИСАРЕНКО К.А. «Петрова дочь к наукам матерски снисходит!»: Опыт императрицы Елизаветы Петровны. — Родина. 2014, № 3, с. 40.
38. ЛИШТЕНАН Ф.Д. Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других. М. 2012, с. 493—495. ПИСАРЕНКО К.А. Елизавета Петровна. М. 2014, с. 441.
39. ПСЗ-I, т. XV, № 10924, с. 320.
40. РГАДА, ф. 248, д. 3426, л. 283.
41. Шувалов в письме, написанном вскоре после воцарения Павла I, вспоминал, что он «при вступлении на престол» Петра III «удостоен был» от императора «совершенной его доверенности. Он мне приказал в тот день в Совете быть, дозволил мне переправить манифест сочиненной Александром Ивановичем Глебовым; продолжать бесменно дежурство генерал-адъютанта, писать приказы в полки, распорядить караул и объявить оному Его вступление на престол, и видя мое к себе усердие и преданность жаловал меня деревнями, вице-канцлером и орденом Св. Андрея; но я просил Его дабы он награждал меня впредь по мере оказуемых услуг. Он мне при всех сказал: “Все просят, а он один не берет, что я ему даю”. Чему обершталмейстер Нарышкин и генерал Гудович свидетели» (НИВЬЕР А.

- Автобиографическое письмо Ивана Ивановича Шувалова. — ФВ. Вып. 8. Иван Иванович Шувалов (1727—1797). Просвещенная личность в российской истории. СПб. 1998, с. 192). Несмотря на отказ Шувалова от должности вице-канцлера, слух о таком шуваловском назначении довольно быстро достиг Москвы. 8 января 1762 г. гр. И.И. Воронцов писал своему брату гр. М.И. Воронцову в Петербург, что в Москве «все генерално говорят, что И.И. Шувалов вице-канцлером пожалован». РГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 128, л. 66.
42. СПФ АРАН, р. II, оп. 1, д. 227, л. 10об., 10.
 43. РГАДА, ф. 248, д. 3427, л. 134—138. РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 96, л. 99—103об.; ПСЗ-I, т. XV, № 11444, с. 912—915.
 44. ПСЗ-I, т. XV, № 11444, с. 914.
 45. МАРАСИНОВА Е.Н. Вольность российского дворянства (манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II). — Российская история. 2007, № 4, с. 25.
 46. [ГОЛИЦЫН Ф.Н.] Жизнь обер-камергера Ивана Ивановича Шувалова, писанная племянником его тайным советником кн. Фёдором Николаевичем Голицыным. — Москвитянин. 1853, т. 2, № 6, март, кн. 2, отд. 4, с. 92.
 47. ПСЗ-I, т. XV, № 11515, с. 986—987.
 48. ТАТАРНИКОВ К.В., ЮРКЕВИЧ Е.И. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. 1732—1762. Обмундирование и снаряжение. М. 2009, с. 6.
 49. ФАИЗОВА И.В. Ук. соч., с. 99—107.
 50. См., например: МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 1. СПб. 2003, с. 378; КАМЕНСКИЙ А.Б. Становление Российской империи. В кн.: Всемирная история. Т. 4: Мир в XVIII веке. М. 2013, с. 564.
 51. RAEFF M. Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-Century Nobility. N.Y.-L. 1966, p. 107—109.
 52. ЕКАТЕРИНА II. Записки. СПб. 1907, с. 532; ИСКЮЛЬ С.Н. На пути к сословному раскрепощению (манифест от 18 февраля 1762 г.). В кн.: Государство и общество в России XV — начала XX века: Сб. ст. памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб. 2007, с. 402—405.